

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

В монахи. О выборе жизненного пути архиепископа Серафима (Соболева). Митрополит Вениамин (Федченков)

Можно представить себе и радость, и благодарность, и умиление, — какие охватили душу Колечки! Преподобный сотворил явно чудо! Преподобный ответил прямо и даже на совершенно тот же вопрос о «воле Божией». Так преподобный благословил Колечку идти в монахи...

***26 февраля — память святителя
Серафима (Соболева), архиепископа
Богучарского***

Разными путями спасаются люди; и различно, в частности, приходят и к избранию монашеского пути. В бытность мою студентом, нас было три друга; из них двое были моложе меня курсом: Виктор Р. и Колечка С. Все мы пошли потом в иночество, но каждый различным образом подходил к решению этого высокого, но и опасного жития. Виктор таким полным именем звали все его за серьезность воззрений и поведения: я не помню, чтобы когда-нибудь он смеялся открыто, разве что улыбнется мило и по-детски.

Небольшого роста, с вдумчивыми темными очами, с высоким и широким лбом, с неторопливыми движениями; он, однако, в душе жил весьма сильною жизнью: к

нему уже нельзя было приложить имя «теплохладный». Но внутренние переживания его были сокровенны; он шел к решениям вдумчиво, «принципиально» (Виктор был незаурядно способный, — глубже из всех трех нас), умом. И когда доходил до чего-либо, то принимал и соответствующие действия, — тихо, без шума, но твердо. И тогда ему не нужно было никаких откровений, видений и даже — старцев прозорливых: ему было и без этого ясно, чего делать.

Таким путем он дошел не только до убеждения в превосходстве безбрачия и иночества, — но и до практического для себя вывода, что ему должно идти «в монахи».

— Я, — сказал он мне однажды, — не мог бы сейчас уйти в монастырское иночество: не под силу еще это мне, и нет такого желания; но в ученое монашество пойду, с Божьей помощью: этот путь мне ясен.

И как-то незаметно подал ректору академии прошение о постриге. Никто этому не удивился из студентов: Виктор — искренний и принципиальный человек... После — обычная учебно-иноческая карьера... Отца Иоанна, — так называли его в честь святого Иоанна Лествичника, — всегда видели серьезным, с большими, точно раскрытыми, глазами, что указывало на непрерывный внутренний процесс, совершавшийся в душе его: точно он прислушивался к самому себе... Но у него оказалась чахотка; и он скончался в Полтавской больнице, состоя инспектором семинарии, в сане архимандрита. Я посетил его незадолго до смерти: он лежал безнадежный, с ввалившимися глазами и щеками. А все-таки хотелось ему жить еще... И он надеялся: — Вот немного поправлюсь, — окрепну и встану. Я молчал. Царство тебе Небесное, чистый друг... Помолись обо мне там...

Но совсем иной был и совершенно иначе пошел в монахи другой наш товарищ — Колечка С.

Его звали таким ласковым уменьшительным именем потому, что он среди своих товарищей, — а нередко даже и среди старших по возрасту и положению, — проявлял совсем не обычную ласковость в обращении: идет, бывало, по «занятым» комнатам (где студенты занимались за столами) и вдруг ни с того ни с сего обращается к ним с приветствием:

— Здравствуйте, миленькие мои!

Или похлопает по плечу кого-либо, погладит по головке, не справляясь, хочется тому или нет... Или, бывало, скажет мне:

— Ванечка! дай я тебя, миленький, поцелую: ведь я тебя люблю.

Врагов у него не было; почитателей, пожалуй, тоже, но его любили по-товарищески. Способностей он был средних: иногда огорчался этим, особенно на экзаменах, когда в два-три дня нужно было «одолеть», «проглотить» сотни мудреных, ученых и неведомых страниц (на лекции-то ведь никто не ходил, кроме двух очередных студентов). По патрологии он плелся-плелся уж по поводу какого-то святого отца, а потом и совсем стал смущенно и виновато; а фальшиво делать вид, будто он «знал, да вот-де немного забыл», Колечка совестился. Профессор, зная, что он (как и мы, и некоторые наши другие друзья) изучает самостоятельно святоотеческую литературу на так называемом «Златоустовском кружке», стал его ободрять:

— Да вы зна-а-ете, знаете: не смущайтесь!

Но Колечка, что и знал, все позабыл теперь; и продолжал молчать виновато. Профессор, переглянувшись с ассистентом, ласково сказал:— Ну, ничего! Довольно с вас. Идите, не смущайтесь.

Колечка с экзамена прямо ко мне в комнату.

— Ну, миленький, и провалился я! — И то со смехом, хватая себя за нос и качая головою, то с грустью он рассказывал мне о провале.

Я стал его ободрять, как мог:

— Ну что же? Ну, поставят тройку; не пропадешь.

У нас почти никогда не ставили неудовлетворительных отметок: уже четверка считалась слабым баллом.

— Стыдно! — говорит он. — Пусть бы провалился по философии или метафизике, Бог с ними; а тут по патрологии, — и оскандалился, оскандалился. И вас-то всех оскандалил, всех «Златоустовцев»: вот так и «святоотеческий» кружок, — и скажут!

И он опять то улыбался, то хмурился...

После опроса всех экзаменаторы выводили общий балл и потом объявляли результат нетерпеливо ожидавшим его студентам.

Колечка снова прибежал ко мне, ворвался, и, раскатываясь от смеха и радости, обнимая меня и целуя, кричит:

— Пять! пять! миленький мой! Да что-о ж это такое, Господи! — И опять радостно, как дитя, заливается. — Да мне и тройки нельзя; а они, миленькие мои, пять мне закатили! Спаси их, Господи!

Родом он был из городской мещанской простой среды. Мать была давно вдова... Кроме него был у нее еще другой сын. Вся семья была очень религиозная. А в академии все мы (и Виктор) были под сильным влиянием аскета инспектора, архимандрита Ф. Колечка со свойственною ему сердечностью сразу увлекся им; потом мы создали под руководством того же а. Ф. святоотеческий кружок. И все это вместе склонило Колечку к мысли о монашестве.

Но перед ним встал острый вопрос: выдержит ли?

И началась мука сомнений...

Так прошел год, другой. Вопрос все не решался. Тогда по совету Ф. он съездил к одному старцу, посоветоваться. А тот ответил ему двойственно: «Можно идти, а можно и не ходить. Хочешь быть монахом; но и хорошим батюшкою тоже был бы...»

Не удовлетворился Колечка... И снова тосковал по монашеству.

Незадолго пред этим совершилось прославление преподобного Серафима и открытие его мощей. Мне, уже года два спустя, захотелось поклониться угоднику; и я отправился в Саров. А оттуда, накупив монастырских подарочков, приехал в академию к началу учебного года. Между прочим, Колечке я привез небольшую иконочку преподобного. А он давно чтил Саровского чудотворца, еще ранее канонизации его. Я совершенно не имел никаких особых намерений при этом; но вот что случилось с Колечкой.

Получив от меня приятный подарок, он, — как сам рассказывал мне потом, — решил обратиться к преподобному с просьбою: покончить так или иначе мучивший его вопрос о монашестве. Ему хотелось узнать только одно: есть ли воля Божия идти ему в монахи или нет?

— И вот,- передавал он,— положил я твою иконочку перед собою и сказал угодничку моему вслух: «Батюшка, преподобный Серафим, великий Божий чудотворец! Ты сам при жизни говорил: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик... Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбели бы, что ни случилось бы с вами, все, придите ко мне, как живому и расскажите. И услышу я вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым со мной говорите; и всегда я для вас буду!» Батюшка дорогой! я уже замучился своим монашеством. Скажи мне: есть ли воля Божия идти мне в монахи или нет? Вот я положу тебе три поклонника,

как живому, и открою твое житие: и там, где упадет мой взор, пусть будет мне ответом».

Все это — вслух... После этого он положил три земных поклона преподобному Серафиму, взял житие, открыл приблизительно в середине; и с левой стороны сразу начал читать... Я после лично смотрел книгу — а теперь и переписываю нужное место.

«В 1830 году один послушник Глинской пустыни, чрезвычайно колебавшийся в вопросе о своем призвании, нарочно прибыл в Саров, чтобы спросить совета у о. Серафима. Упав в ноги преподобному, он молил его разрешить мучивший его вопрос: «Есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь?» Святой старец отвечал послушнику: «Сам спасайся и брата своего спасай». Потом, подумавши немного, продолжал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезл нельзя достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу, и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл». Сказавши это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и продолжал: «Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий, Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей». И что же оказалось? Послушник этот, просивший совета у о. Серафима, действительно принял монашество с именем Паисия и в 1856 году был назначен игуменом Астраханской Чуркинской пустыни, а через шесть лет возведен в сан архимандрита, получив таким образом, как предсказал о. Серафим, управление душами братий. Родной же брат о. Паисия, о котором святой старец говорил: «Спасай и брата», окончил свою жизнь в звании простого иеромонаха в Козелецком Георгиевском монастыре».

Можно представить себе и радость, и благодарность, и умиление, — какие охватили душу Колечки! Преподобный сотворил явно чудо! Преподобный ответил прямо и даже на совершенно тот же вопрос о «воле Божией». Так преподобный благословил Колечку идти в монахи...

Мучения кончились раз и навсегда. И скоро «Колечки» не стало; вместо него клобуком покрылся инок Серафим, — названный так при постриге почитатель преподобного, удостоенный от него чудесного ответа.

Но в приведенном рассказе о Глинском послушнике было еще и два других чудесных указания от преподобного Серафима Колечке. Одно, что и ему придется не только быть монахом, но и управлять душами человеческими, — хотя он и не вопрошал его тогда о сем: ныне бывший ласковый студент —

Епископом...

Впрочем, это еще естественно. Но более примечательно другое: «Спасай и брата». Колечка, занятый лишь своею мукою, забыл тогда на молитве все и всех, кроме преподобного и себя самого. Не до брата ему было. А нужно нам знать, что его родной брат страдал невыносимыми головными болями; так что не раз доходил даже до крайних отчаянных мыслей. Но он любил своего старшего брата, который всячески укреплял его в вере, терпении, уповании на Бога. И можно сказать: братом больше и жил страдалец.

И вдруг получается теперь ответ: не только «сам спасайся», но и «брата своего спасай»...

И действительно, — как только кончил учение иеромонах Серафим, он взял к себе брата своего, а потом и мать-вдову. Брат тоже пострижен был в монашество и назван Сергием. Ныне он уже в сане архимандрита... Болезнь у него, кажется, совсем прошла; но все же он и доселе живет все с братом и спасаются вместе.

...В 1920 году, в день Покрова Божией Матери, о. Серафима в Симферополе рукоположили во Епископа, с титулом Лубенского. На обеде я сказал ему речь и припомнил об этом чудесном случае указания пути ему в монахи.

Митрополит Вениамин (Федченков)

Вениамин (Федченков), митрополит. Записки архиерея. М.: Правило веры. 2002. С. 23-30.

Православие.Ru

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27